
ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.37; 159.923.2

DOI: 10.14258/SSI(2024)4-01

Специфика взаимообусловленности гражданской идентификации и социальной активности населения (на примере приграничных регионов России)

Ольга Владимировна Борисова¹

Светлана Геннадьевна Максимова²

---

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, olya333es@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9569-0304>

---

²РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, svet-maximova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования взаимообусловленности гражданской идентификации и социальной активности населения трех приграничных регионов — Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай, проведенного в 2019 г. (социологический опрос лиц в возрасте 18–70 лет, n=1418). Согласно полученным данным было выявлено, что в зависимости от особенностей проявления социальной активности население регионов условно можно разделить на две группы. Первая группа сформирована социально неактивными гражданами, редко участвующими в гражданских инициативах, время от времени участвующими в выборах, умеренно осознающими и выполняющими свои обязанности перед обществом, не очень хорошо знающими свои права и не стремящимися к их восстановлению. Это потенциально активные граждане. Другая группа — социально активные граждане, с обостренной социальной ответственно-

стью, осознающие необходимость выполнения своих обязательств перед обществом. Регион проживания и тип социальной активности (потенциальная или реальная) являются наиболее важными факторами, определяющими гражданскую самооценку респондентов. Было выявлено, что региональные различия в большей степени прослеживались в оценках респондентов выраженности чувства гордости за свою страну и ее достижения, обязательности выполнения долга по защите Отечества, активного участия в общественной жизни, проявления нетерпимости к тем, кто неуважительно относится к России и ее народу. Влияние возраста прослеживалось в оценках осознания и выполнения своих обязанностей перед обществом и страной, мобильности/привязанности к своей Родине, отношения к национальной символике, балансу личных и общественных интересов по позиции «Я лично как гражданин»; в оценках оптимистического настроения, участия в общественной жизни, личной ответственности по позиции жителей региона, оптимизма, надежды на государство в решении своих проблем, знании и отстаивании своих прав, выраженности патриотических чувств, доверия к органам власти, одобрения действий правительства по позиции жителей России и личной ответственности, сопряженной с одобрением курса, по позиции гражданского идеала. Значимость типа социальной активности была выявлена по всем показателям и всем оцениваемым позициям.

Ключевые слова: гражданская идентификация, социальная активность, приграничные регионы, гражданское общество, гражданская активность

Финансирование: исследование выполнено в рамках гранта РФФИ «Гражданская идентичность, гражданские инициативы и социальная активность населения как основа формирования гражданского общества в современной России» (№ 19-011-31434 опп).

Для цитирования: Борисова О. В., Максимова С. Г. Специфика взаимообусловленности гражданской идентификации и социальной активности населения (на примере приграничных регионов России) // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 4. С. 13–29. doi: 10.14258/ssi(2024)4-01.

Specifics of Interdependence of Civic Identification and Social Activity of the Population (on the Example of Border Regions of Russia)

Olga V. Borisova¹

Svetlana G. Maximova²

---

¹Altai State University, Barnaul, Russia, olya333es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-0304>

²ROSBIOTECH, Moscow, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Abstract. The article presents the analysis of the results of the study of the intersectionality of civic identification and social activity of the population of three border regions — Altai Krai,

Novosibirsk Oblast and Altai Republic, conducted in 2019 (sociological survey of persons aged 18–70 years, n=1418). According to the obtained data, it was revealed that depending on the features of manifestation of social activity, the population of the regions can be conditionally divided into two groups. Socially inactive citizens who rarely participate in civic initiatives, who occasionally participate in elections, who moderately realize and fulfill their responsibilities to society, who do not know their rights very well and do not seek to restore them, form the first group. These are potentially active citizens. The other group is socially active citizens, with aggravated social responsibility, who realize the need to fulfill their obligations to society. The region of residence and the type of social activity (potential or real) are the most important factors determining the civic self-esteem of respondents. It revealed that regional differences were more evident in respondents' assessments of the expression of pride in their country and its achievements, the obligation to fulfill the duty to protect the Fatherland, active participation in public life, intolerance towards those who disrespect Russia and its people. The influence of age can be traced in assessments of awareness and fulfillment of one's duties to the society and country, mobility/attachment to one's Motherland, attitude to national symbols, balance of personal and public interests according to the position "I am personally as a citizen"; in assessments of optimistic mood, participation in public life, personal responsibility according to the position of residents of the region, optimism, hope for the state in solving their problems, knowledge and assertion of their rights, expression of patriotic feelings, trust in the authorities, approval of the actions of the state in the region; in assessments of the type of social activity of the respondents. The significance of the type of social activity revealed for all indicators and all assessed positions.

Keywords: civic identification, social activity, border regions, civil society, civil activity

Financial support: the work was supported out within the framework of the RFBR Grant "Civic identity, civic initiatives and social activity of the population as a basis for the formation of civil society in modern Russia" (№ 19-011-31434 opn).

For citation: Borisova, O. V., Maximova, S. G. (2024). Specificity of Inter-Conditionality of Civil Identification and Social Activity of the Population (on the Example of Border Regions of Russia). *Society and Security Insights*, 7(4), 13–29. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)4-01.

Введение

Социологический ракурс исследования понятия «активность» позволяет рассматривать данное понятие в поле взаимодействия между индивидом и обществом, определить социальные механизмы формирования социальной активности, выявить роль, которую играют социальные институты и структуры в ее реализации и направленности, выборе способов и средств осуществления.

Общий теоретический анализ показывает, что проблематика социальной активности, взаимодействий индивидов, направленных на изменение общества, является традиционной для социологии. Фундаментальный вопрос о том, что делает общество обществом, так или иначе поднимает тему человеческой активности в сфере социального, соотносённости действий индивидов с действиями других людей.

Между тем, в отличие от отечественной традиции, для которой понятие социальной активности является органичным, вплетённым в междисциплинарный

научный дискурс, в зарубежной науке довольно трудно найти соответствие тому, что в русском языке принято называть «социальной активностью». Социальная активность (*social activity*) понимается в общем виде как социальное взаимодействие с другими людьми, часто имеющее коммуникативную, рекреационную направленность. Даже специализированные словари дают весьма расплывчатые определения, как, например, «любое событие или цель, все, что собирает членов сообщества вместе для взаимодействия, например, танцы, игры, уличные вечеринки» (Sam, 2024) или «деятельность, основной целью которой является решение социальной проблемы или удовлетворение потребности, а значит, предполагается какой-то социальный эффект»¹. В последние годы растет количество исследований, в которых социальная активность рассматривается как одна из характеристик индивида в реальных и виртуальных социальных сетях, влияющая на их формирование и особенности развития (Carrasco et al., 2008; Benevenuto et al., 2009; Kim, Rasouli, & Timmermans, 2018; Ghavipour, & Meybodi, 2018).

В мировой социологической науке социальная активность рассматривается прежде всего сквозь общую призму понятий *agency* и *social action*, встроенных в широкий спектр теорий и парадигм. *Agency* (агентность) — способность индивидов действовать независимо и делать сознательный выбор, осуществлять свою деятельность сообразно с собственными представлениями (т.е. субъектность), на которую оказывают влияние когнитивные структуры, формируемые в процессе опыта и жизнедеятельности, и общественные структуры, обстоятельства и ситуации, в которых находится индивид (Barker, 2005).

Родоначальником современных теорий социального действия по праву считается М. Вебер, рассматривавший социальное действие в контексте субъективных взаимоотношений между индивидами в рамках созданной им «понимающей», интерпретативной социологии (нем. *Verstehen*), для которой ключевыми являлись соотношения свободы и обусловленности, творчества и нормативных ограничений. Он определяет социальное действие как действие, наделенное субъективным смыслом, по которому оно соотносится с действиями других людей и ориентируется на него (Вебер, 1990). По Веберу, мы понимаем не самого действующего человека, а смысл его действия, сопоставляя его с «установкой» соответствующей исторической эпохи. Активистская модель, предложенная М. Вебером, полагает, что осмысленные поступки людей являются первопричиной и существом общественной жизни.

В структурном функционализме Т. Парсонса активность рассматривается интегрированно, социальный порядок увязывается со структурными и волюнтаристскими аспектами, факторами макро- и микропорядка. Социальная деятельность и поведение рассматриваются как целесообразное изменение и преобразование человеком мира и себя самого в рамках реализации определенных функций, требующих взаимодействия со средой. Социальное действие имеет символический и нормативный характер, при этом обладает некоторой иррацио-

¹ What is social activity // <https://www.igi-global.com/dictionary/social-activity/59062> (дата обращения: 25.11.2024)

нальностью, субъективизмом. Ключевую роль для теории социального действия играют понятия «актор», «ситуация», «ориентация актора на ситуацию» (Парсонс, 1994).

Взаимосвязь между обществом и общественным развитием составляет ядро концепции П. Бурдьё (1998). В отличие от социального действия, которое рассматривается как изолированное событие, главная роль в поддержании стабильности общества и его развития, по мнению ученого, принадлежит практике. Практика определяется как активность, посредством которой индивиды производят и воспроизводят общество в его культурных, социальных и экономических измерениях, она играет медиатирующую роль между индивидуальным действием и социальным развитием. Функцию связующего звена между социальными структурами и социальной практикой (социальным действием) выполняет габитус — набор приобретенных паттернов мышления и поведения. Это «прошлое, живущее в настоящем», «имманентный закон, заложенный в каждого агента его предшествующим воспитанием», система общих, стабильных и переводимых из одного поля в другое (еще одно важное понятие теории П. Бурдьё) генеративных схем, действующих на практике как категории восприятия и как организационный принцип действия.

В российском контексте социальная активность населения носит парадоксальный характер, проявляющийся в одновременной декларации активного отношения к социальным процессам и социальной апатии; в условиях слабой развитости гражданского общества и слабого доверия к социальным институтам, слабой детерминированности макросоциальными идентичностями социальная активность носит преимущественно утилитарный характер, направлена на реализацию непосредственных целей, выражается в постоянном конфликте интересов граждан и государства.

Разнообразие и многовариантность проявления социальной активности, подчеркиваемые исследователями, позволяют выделять ее отдельные виды, включающие индивидуальные и коллективные, низовые, неформальные и организованные, включенные в ассоциативные объединения, стихийные и целенаправленные, конвенциональные и протестные формы.

Отдельной разновидностью социальной активности выступает и гражданская активность, реализуемая в том числе посредством гражданских инициатив. Так, С. Патрушев выделяет два типа гражданской активности: гражданское участие, представляющее собой социально одобряемую и адаптивную активность, направленную на защиту и реализацию универсальных прав и свобод человека, воспроизводство сложившихся институциональных практик, гражданской идентичности (Патрушев, 2009). Гражданское участие может быть индивидуальным и направленным на решение своих проблем или проблем своей семьи, коллективным, если граждане и их объединения решают проблемы отдельных обществ, и общественным — в том случае, если решаются проблемы, значимые для всего общества. Наивысший уровень может быть представлен глобальным гражданским участием, в котором большую роль играют современные коммуникаци-

онные технологии, в частности социотехнические платформы, на базе которых технологические решения объединяют акторов и осуществляемые ими действия (Bruszt, Vedres, & Stark, 2005).

В отличие от гражданского участия, гражданское действие является, по мнению С. Патрушева, неадаптивной публичной активностью, связанной с проблемой реализации прав и свобод, оно направлено на трансформацию институциональных условий, нормативного и ценностного порядка. Как правило, гражданское действие в большей степени ориентировано на общее благо и общесоциальные интересы (Патрушев, 2009).

И гражданская, и политическая, и шире — социальная активность граждан как деятельность, преобразующая социальную ткань и стоящая на страже интересов обычных людей, отдельных сообществ и общества в целом, имеет большое значение для общественного развития, затрагивает проблемы демократии, восприимчивости власти к критике, политических возможностей общественных движений. Социально активные граждане способствуют решению дилеммы агентности, возникающей, когда малочисленная группа лиц (в данном случае правительство и другие институты, принимающие решения на уровне конкретного социума) берет на себя ответственность за решения от имени большинства (населения). В ситуации асимметричности информации и неравномерности распределения ресурсов агенты часто действуют исходя из собственных интересов, а не из интересов большинства (наиболее ярким примером такого нарушения является коррупция), что ставит вопрос о наличии независимых контролирующих структур, которые могли бы обеспечивать должное выполнение агентами своих функций (Mintick, 2015). И здесь мы выходим на явную и очевидную связь между проявлением социальной активности граждан и развитием гражданского общества как институционально оформленного механизма, организующего индивидуальные и коллективные действия граждан в некоторую (впрочем, весьма условную) систему, которая по силе своего воздействия на общество начинает сопоставляться с силой государства. Взаимозависимость и взаимообусловленность этих явлений практически никем не оспаривается, несмотря на то что теоретизирование по поводу гражданского общества носит разнородный и противоречивый характер, неизбежно определяемый как эволюцией обществ, повышением их сложности и неопределенности, трудности управления и взаимозависимости друг от друга, так и развитием научных представлений, обогащением концепций гражданского общества новыми достижениями социальных и гуманитарных наук, развитием философской мысли.

При анализе региональной специфики взаимообусловленности гражданской идентификации и социальной активности важно учитывать разнородность социальной структуры региона. Так, В. Г. Немировский указывает на то, что социальная структура региона в первую очередь связана с культурно-историческими и социально-экономическими факторами. В классовой структуре региона автор выделяет титульные и нетитульные сословия. В разных регионах отмечается присутствие в массовом сознании населения различных вариаций ценностей

и норм традиционно-феодално-кланового происхождения (например, некоторые регионы Северного Кавказа) и ценностно-нормативных феноменов пост-модернистского характера (в первую очередь Москва и Санкт-Петербург) (Немировский, 2023). Выбор для проведения социологического исследования трех приграничных регионов России определялся, с одной стороны, тем, что все регионы принадлежат к общей зоне азиатского приграничья, с другой — эти регионы различаются по уровню социально-экономического развития.

Методы

Для сбора социологических данных использовался метод опроса населения (лиц в возрасте 18–70 лет), проживающих на территории трех приграничных регионов России, различающихся по социально-экономическому статусу (Алтайский край, Республика Алтай, Новосибирская область; $n = 1418$ чел.). Для отбора респондентов была применена многоступенчатая выборка с квотным отбором. В Алтайском крае в исследовании приняли участие 590 респондентов, из них 43,2% мужчин и 56,8% женщин. В Новосибирской области приняли участие 404 респондента — 46,8% мужчин и 53,3% женщин. В Республике Алтай всего было опрошено 424 человека, из которых 49,4% — мужчины и 50,6% — женщины. Респонденты были разделены на три возрастные категории: возрастная группа 18–29 лет: Алтайский край — 26,5%, Новосибирская область — 20,0%, Республика Алтай — 34,0%; категория 30–49 лет: Алтайский край — 43,9%, Новосибирская область — 44,6%, Республика Алтай — 35,0%; старшая возрастная категория, 50–75 лет: Алтайский край — 29,6%, Новосибирская область — 35,4%, Республика Алтай — 31,0%. Анализ материального положения населения показал, что большинство жителей оценивают свое материальное положение как среднее, когда денег хватает на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг, а на приобретение дорогих вещей приходится долго копить (Алтайский край — 63,4%, Новосибирская область — 75,4%, Республика Алтай — 68,7%). В Алтайском крае свое материальное положение оценили ниже среднего 10,4% населения (9,7% живут бедно, 0,7% — очень бедно). В Новосибирской области 10,9% живут бедно, а 1,3% — очень бедно. В Республике Алтай 11,0% жителей ответили, что живут бедно, а 1,7% — живут очень бедно. Свое материальное положение как очень хорошее, богатое оценили только 2,3% населения в Алтайском крае и 1,0% в Республике Алтай. Обработка данных была осуществлена с помощью пакета SPSS 24.0.

Результаты

Для выявления различий в оценках гражданской идентификации населения трех приграничных регионов, отличающихся по уровню социально-экономического развития, в зависимости от проявления ими социальной активности было проведено сегментирование выборочной совокупности для выявления контрастных подгрупп респондентов, отличающихся по данному параметру. С этой целью были отобраны шкалы из опросника, измеряющие активность респондентов

в общественной и политической сферах, и проведен двухэтапный кластерный анализ (мера расстояния — лог-правдоподобия, критерий кластеризации — байесовский информационный критерий, BIC) с оценками по данным шкалам по результатам самооценки (роль «Я лично как гражданин»). В результате анализа было выделено два кластера: 48,6% опрошенных были отнесены к первому кластеру и 51,2% — ко второму (табл. 1).

Согласно средним значениям показателей, используемых для классификации, первый кластер включал индивидов, довольно редко участвующих в каких-либо общественно полезных делах (среднее значение $-1,11$), со средней, ближе к отсутствующей, электоральной активностью (среднее значение $-0,61$), редко посещающих патриотические акции ($-0,32$), скорее не несущих личную ответственность за происходящее в их жизни ($-0,05$), умеренно осознающих и выполняющих свои обязанности перед обществом ($0,55$), не очень хорошо знающих свои права и не стремящихся к их восстановлению ($0,72$). В то же время нельзя сказать, что эти люди совсем не проявляли социальной активности. Некоторые представители данного кластера активно отстаивали свои права (28% с баллами 2 и 3), и осознавали свои обязанности (33,3%), несли личную ответственность за то, что происходит в их жизни (26,6%), но в целом, судя по ответам респондентов, делали это несистемно, периодически, включаясь только в какие-то отдельные направления (например, в выборах участвовали 13,4% опрошенных из данного кластера, в общественной жизни принимали участие 8,6% опрошенных), о чем можно судить по суммарным баллам, подсчитывающим общее количество показателей, с оценками выше 2 баллов (максимально 6): 32,4% респондентов данного кластера не выбрали ни одного вида активности, 24,8% — только одну, 29,5% — две активности (рис. 1).

Второй кластер объединил социально активных респондентов, у которых было остро развито чувство социальной ответственности (2,02), осознающих наличие и необходимость выполнения обязанностей перед обществом (2,39), что особенно проявляется в электоральной активности (2,26), хорошо знающих и отстаивающих свои права (2,22), намного чаще, чем представители первого кластера, участвующих в общественных инициативах (1,59) и массовых патриотических мероприятиях (1,75). Эти респонденты не только были глубже вовлечены в указанные виды деятельности, судя по самооценке они чаще сочетали несколько форм такой активности: в этой группе совсем не было тех, кто не поставил хотя бы по одной из шести шкал выше двух баллов, и лишь 2,7% респондентов данной группы имели высокие оценки только под одному показателю, 9,1% — по двум, большинство выбрали три и более «точек приложения» своих гражданских качеств (рис. 1).

Сопоставление кластерной принадлежности в разрезе регионов показало, что больше всего социально активных жителей было в Республике Алтай (61,3%), на втором месте — Новосибирская область (42,9%), на третьем — Алтайский край (40,0%). Различия значимы на 5%-м уровне, статистически значимые различия (z-критерий с поправкой Бонферрони) наблюдались между Алтайским краем Республикой Алтай (рис. 2).

Таблица 1.

Table 1.

Результаты двухэтапного кластерного анализа по шкалам социальной активности (средние значения — центры кластеров)

Results of two-stage cluster analysis by social activity scales (average values — centers of clusters)

Входящая переменная (относительная важность предиктора)	Кластер 1 (среднее значение)	Кластер 2 (среднее значение)
Хожу на выборы, считаю, что каждый голос имеет значение (1,0)	-0,61	2,26
Активно участвую в общественной жизни, гражданских инициативах (0,93)	-1,11	1,59
Обязательно участвую в массовых патриотических мероприятиях (Бессмертный полк, День России и т. д.) (0,60)	-0,32	1,75
Осознаю и выполняю свои обязанности перед обществом и страной (0,59)	0,55	2,39
Несу личную ответственность за то, что происходит вокруг меня (0,50)	-0,05	2,02
Знаю и отстаиваю свои гражданские права (0,49)	0,72	2,22

Рисунок 1 — Сравнение количества форм проявления социальной активности в разных кластерах, %

Figure 1 — Comparison of the number of forms of social activity in different clusters, %

Кроме региональных различий большую роль в распределении выраженности социальной активности среди населения играли и другие факторы. Так, значительно больше социально активных личностей было среди женщин (56,5%, в группе мужчин — 41,1%, χ^2 , $p < 0,05$) (рис. 3) и среди представителей старших возрастных групп: в группе респондентов 30–49 лет доля активистов составила 59,5%, в группе 50 лет и старше — 63,8%, тогда как в группе молодежи до 29 лет — только 33,3% (рис. 4).

Взаимосвязь между социальной активностью и социально-профессиональным статусом также была статистически достоверной: больше всего активных было в группах бизнесменов, предпринимателей и самозанятых (82,4%), пенсионеров и домохозяек (72,4%), а также наемных работников (55,7%), т.е. в тех статусных группах, большую часть которых составляли респонденты среднего и старшего поколений. Меньше всего активных граждан было среди студентов, учащихся (24,3%) и безработных, а также среди не имеющих постоянной занятости лиц (7,1%) (χ^2 , z-критерий с поправкой Бонферрони, $p < 0,05$) (рис. 5). Одновременно с этим образовательный уровень респондентов и их этническая принадлежность не играли существенной роли в проявлении социальной активности.

Рисунок 2 — Различия в представленности активных и неактивных жителей в разных регионах, %
 Figure 2 — Differences in the representation of active and inactive residents in different regions, %

Результаты кластерного анализа убедительно показали, что социальная дифференциация в региональных социумах приводила к неравномерной распространенности социальной активности, более присущей членам одних социальных групп и категорий (например, таких как женщины или самозанятые), и совсем нехарактерной для других (таких как безработные). Между тем предполагалось, что социальная активность сама по себе являлась важной детерминантой восприятия гражданских общностей и оценки гражданской идентифика-

ции жителей — и эту роль требовалось изучить более подробно, в совокупности с другими факторами.

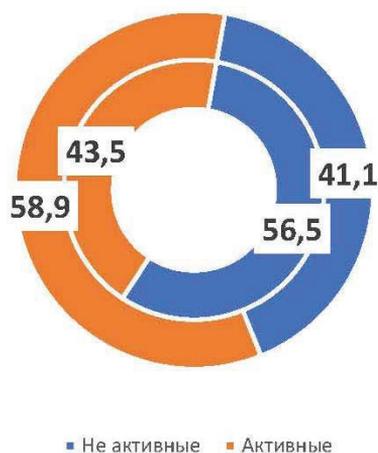

Рисунок 3 — Распределение активных и неактивных граждан в группе мужчин (внутренний круг) и женщин (внешний круг), %

Figure 3 — Distribution of active and inactive citizens in the group of men (inner circle) and women (outer circle), %

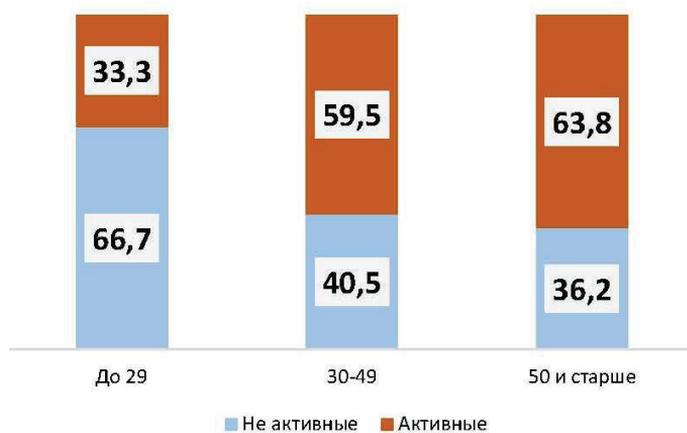

Рисунок 4 — Взаимосвязь между принадлежностью к кластеру активных или неактивных граждан и возрастом респондента, %

Figure 4 — Relationship between belonging to the cluster of active or inactive citizens and respondent's age, %

Рисунок 5 — Взаимосвязь между социальной активностью (по результатам кластерного анализа) и социально-профессиональным статусом, %

Figure 5 — Relationship between social activity (according to the results of cluster analysis) and socio-professional status, %

В качестве аналитического инструмента, позволяющего выявить, насколько полученные в отдельных регионах оценки являются сопоставимыми, какие еще факторы, кроме региона, влияли на оценку гражданской идентификации самих респондентов, оценку других территориальных общностей, гражданских идеалов и какую роль в этом процессе играет социальная активность, был выбран многофакторный многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), встроенный в модуль общих линейных моделей программы SPSS.

Многомерные критерии (использовался тест Пиллая) показали, что наиболее важными факторами (с учетом влияния остальных), определяющими оценки респондентов по всем позициям оценивания, являлись регион проживания респондента и тип социальной активности (по кластерной принадлежности). Другие факторы либо не являлись статистически значимыми, либо влияли только на оценку какого-то определенного объекта. Так, возраст респондента оказывал наиболее значимое воздействие на самооценку гражданской идентичности, образование — только на содержание социальных идеалов о гражданстве, социальный статус и пол не оказывали существенного воздействия на оценки респондентов (только по одной позиции на уровне статистической тенденции). Более того, анализ не выявил большого количества достоверных эффектов взаимодействия, которые могли бы быть в случае, если бы какой-то фактор по-разному влиял на оценки в присутствии другого фактора. Было важно учесть моделирующие эффекты на региональном уровне, так как необходимо было сравнить регионы. Фактически единственным достоверным эффектом взаимодействия являлось совместное влияние региона и образования респондента на оценки гражданских

идеалов, означающего, что лица с одинаковым уровнем образования оценивали эту позицию по-разному в разных регионах. Однако, поскольку в дальнейшем следовало совместить в анализе оценки по всем позициям, этот единственный эффект можно было не принимать во внимание и учитывать только главные эффекты (табл. 2).

Возникал вопрос: как именно данные факторы влияли на оценки? Какие измерения (шкалы) в большей степени оказывались под их воздействием? Для ответа на эти вопросы был проведен одномерный дисперсионный анализ по отдельным шкалам.

Было выявлено, что региональные различия в большей степени прослеживались в оценках респондентами выраженности чувства гордости за свою страну и ее достижения, обязательности выполнения долга по защите Отечества (для позиции гражданского идеала), активного участия в общественной жизни (самооценка), проявления нетерпимости к тем, кто неуважительно относится к России и ее народу (для всех позиций, кроме «обычного жителя России»)².

Возраст респондентов, на многомерном уровне проявивший свое воздействие только на одну позицию, на одномерном уровне был значим по всем, что привело нас к выводу о необходимости учета данного фактора в последующем анализе. Так, возрастные эффекты прослеживались в оценках осознания и выполнения своих обязанностей перед обществом и страной, мобильности/привязанности к своей Родине, отношения к национальной символике, балансу личных и общественных интересов по позиции «Я лично как гражданин»; в оценках оптимистического настроения, участия в общественной жизни, личной ответственности по позиции жителей региона, оптимизма, надежды на государство в решении своих проблем, знании и отстаивании своих прав, выраженности патриотических чувств, доверия к органам власти, одобрения действий правительства по позиции жителей России и личной ответственности, сопряженной с одобрением курса по позиции гражданского идеала.

Влияние типа социальной активности проявилось по всем показателям и всем оцениваемым позициям, причем в случае оценки электоральной активности и выраженности патриотических чувств различия были значимы по всем четырем позициям, по критериям солидарности, выраженности патриотических чувств и патернализма, осознания и выполнения своих гражданских обязанностей — по трем из четырех позиций (кроме идеала гражданина), другие различия были значимы по отдельным позициям или парным сочетаниям позиций, а не только по первой, где ожидаемые различия по тем шести критериям, которые были использованы для классификации, дополнялись различиями практически по всем остальным параметрам, кроме знания истории своей страны, мобильности, отношения к национальной символике и баланса личных и общественных интересов.

² Здесь описываются только статистически значимые различия, ANOVA, F, p < 0,05.

Таблица 2.

Table 2.

Результаты многомерного дисперсионного анализа со шкалами-дескрипторами для отдельных объектов оценивания (критерий Пиллая, р).

Results of multivariate analysis of variance with descriptor scales for individual assessment items (Pillai's criterion, p).

Фактор/ковариант	I	II	III	IV
Главные эффекты:				
Регион	0,00	0,03	0,22	0,06
Возраст	0,01	0,41	0,24	0,57
Пол	0,11	0,41	0,05	0,18
Социальный статус	0,24	0,93	0,09	0,07
Образование	0,66	0,69	0,59	0,01
Кластерная принадлежность (активные и неактивные)	0,0001	0,02	0,004	0,0001
Эффекты взаимодействия:				
Регион * Пол	0,05	0,68	0,93	0,89
Регион * Социальный статус	0,70	0,95	0,57	0,87
Регион * Образование	0,01	0,44	0,28	0,03
Регион * Кластерная принадлежность (активные и неактивные)	0,18	0,99	0,78	0,85

Обсуждение и заключение

Таким образом, все население регионов условно подразделяется на две большие группы (кластеры) в зависимости от особенностей проявления жителями социальной активности. Первую группу составляют социально неактивные граждане, которые редко участвуют в гражданских инициативах, практически не посещают массовые акции, время от времени участвуют в выборах, умеренно осознают и выполняют свои обязанности перед обществом, не очень хорошо знают свои права и не стремятся к их восстановлению. Социальная активность не является частью их образа жизни, они не совсем отказываются от гражданского участия, просто выступают в нем пассивной стороной, требующей стимулирования. Это потенциально активные граждане. Другая группа — социально активные граждане, которых, по нашим данным, не так уж мало — 51,2%. Это лица с обостренной социальной ответственностью, осознающие необходимость выполнения своих обязательств перед обществом. Они верят, что «каждый голос имеет значение», часто участвуют в общественных и патриотических мероприятиях, зачастую совмещают несколько направлений активности. Больше всего такого рода активных жителей выявлено в Республике Алтай, меньше всего — в Алтайском крае, что не удивительно, с учетом негативных социальных настроений его жителей. Чаще социальную активность проявляют женщины, представители

старших поколений, а также социальные группы, имеющие достаточное количество ресурсов и возможность распоряжаться своим личным временем: предприниматели и самозанятые, пенсионеры и домохозяйки. Самый низкий уровень активности — среди учащихся и безработных, которые проявляют более иждивенческую позицию и чаще выступают в качестве объекта, на который направлена эта самая активность. Регион проживания и тип социальной активности (потенциальная или реальная) являются наиболее важными факторами, определяющими оценки респондентов. Однако важно учитывать и влияние других факторов, несмотря на то что оно проявляется лишь в оценке отдельных, строго определенных образов. К примеру, возраст наиболее значим для гражданской самооценки, особенно по критериям осознания и выполнения своих обязанностей перед обществом и страной, оценки роли мобильности/привязанности к своей Родине в формировании гражданских образов, отношения к национальной символике, выбору приоритета личных или общественных интересов; образование в большей степени влияет на содержание гражданских идеалов, тогда как социальный статус и пол, с учетом влияния других факторов, оказываются практически не значимыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Борисова О. В., Сытых О. Л. Гражданская идентификация и ценностные ориентации населения приграничных регионов России // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 1. С. 40–51. DOI: 10.14258/ssi(2024)1-03
- Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007, 288 с.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, 808 с.
- Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13, № 1. С. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778
- Немировский В. Г. Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции сословной структуры российского общества // *Регионоведение*. 2023. Т. 31, № 3. С. 548–563. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
- Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // *Политические исследования*. 2009. № 6. С. 25–32.
- Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2017. Т. 17, № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363
- Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. London: Sage. 2005. 484 p.

- Benevenuto F., Rodrigues T., Cha, M., & Almeida V. Characterizing user behavior in online social networks // Proceedings of the 9th ACM SIGCOMM conference on Internet measurement. 2009. P. 49-62.
- Bruszt L., Vedres B., & Stark D. Shaping the web of civic participation: Civil society websites in Eastern Europe // Journal of Public Policy. 2005. № 25(1). P. 149-163.
- Carrasco, J. A., Hogan, B., Wellman, B., & Miller, E. J. (2008). Agency in social activity interactions: The role of social networks in time and space // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2008. 99(5). P. 562-583.
- Ghavipour M., & Meybodi, M. R. A streaming sampling algorithm for social activity networks using fixed structure learning automata // Applied Intelligence. 2018. 48(4). P.1054-1081.
- Elder M. D., Jho J. Y., Rokosz V. T., Schirmer A. L., & Schultz M. 2007.U.S. Patent No. 7,249,123. Washington, DC: U.S. Patent and Trademark Office.
- Kim J., Rasouli S., & Timmermans H. J. Social networks, social influence and activity-travel behaviour: a review of models and empirical evidence // Transport Reviews. 2018. 38(4). P. 499-523.
- Mitnick B. M. Agency theory // Wiley encyclopedia of management. 2015. 1-6.
- Sam M. S. Social. Activity // PsychologyDictionary.org, April 13, 2013, <https://psychologydictionary.org/social-activity/> (дата обращения: 25.11.2024).

REFERENCES

- Borisova, O. V., Sytykh, O. L. (2024). Civic identification and value orientations of the population of border regions of Russia. *Society and Security Insights*, 7(1), 40-51. DOI: 10.14258/ssi(2024)1-03 (In Russ.).
- Bourdieu, P. (2007). *Sociology of Social Space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.).
- Weber, M. (1990). Basic Sociological Concepts. In: *Weber M. Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Kostina, E. Yu., Orlova, N. A. (2022). Social activity and social responsibility in perceptions and practices of modern youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13(1), 129-143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778 (In Russ.).
- Nemirovsky, V. G. (2023). Problem of sociocultural integration of regions through the prism of the concept of the class structure of Russian society. *Regionology*, 31(3), 548-563. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563 (In Russ.).
- Parsons, T. (1998). *System of Modern Societies*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
- Patrushev, S. V. (2009). Civic activity: institutional approach (research perspectives). *Political Studies*, 6, 25-32. (In Russ.).
- Sokhadze, K. G. (2017). Social activity of Russian youth: Scales and factors of restraint. *Bulletin of the Russian University of People's Friendship. Series: Sociology*, 17(3), 348-363. DOI:10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363 (In Russ.).
- Barker, C. (2005). *Cultural Studies: Theory and Practice*. London: Sage.

- Benevenuto, F., Rodrigues T., Cha, M., & Almeida, V. (2009). Characterizing user behavior in online social networks. In: *Proceedings of the 9th ACM SIGCOMM conference on Internet measurement*, pp. 49–62.
- Bruszt, L., Vedres B., & Stark, D. (2005). Shaping the web of civic participation: Civil society websites in Eastern Europe. *Journal of Public Policy*, 25(1), 149–163.
- Carrasco, J. A., Hogan, B., Wellman, B., & Miller, E. J. (2008). Agency in social activity interactions: The role of social networks in time and space. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 99(5), 562–583.
- Ghavigour, M., & Meybodi, M. R. (2018). A streaming sampling algorithm for social activity networks using fixed structure learning automata. *Applied Intelligence*, 48(4), 1054–1081.
- Elder, M. D., Jho, J. Y., Rokosz, V. T., Schirmer, A. L., & Schultz, M. (2007). U.S. Patent No. 7,249,123. Washington, DC: U.S. Patent and Trademark Office.
- Kim, J., Rasouli S., & Timmermans, H. J. (2018) Social networks, social influence and activity-travel behaviour: a review of models and empirical evidence. *Transport Reviews*, 38(4), 499–523.
- Mitnick, B. M. (2015). Agency theory. *Wiley encyclopedia of management*, 1–6.
- Sam, M.S. (2024). Social. Activity. In: *PsychologyDictionary.org*, April 13, 2013, <https://psychologydictionary.org/social-activity/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Борисова — старший преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Olga V. Borisova — Senior Lecturer at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, ROSBIOTECH, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 1.12.2024;
одобрена после рецензирования 15.12.2024;
принята к публикации 15.12.2024.
The article was submitted 1.12.2024;
approved after reviewing 15.12.2024;
accepted for publication 15.12.2024.